

В. Л. МЫЦ

СРЕДНЕВЕКОВОЕ УКРЕПЛЕНИЕ ИСАР-КАЯ

Укрепление Исар-Кая¹ у горного прохода Шайтан-Мердвен (Черт-ва лестница) (рис. 1) известно в научной литературе со времен П. И. Кеппена, который упоминает о нем впервые. Сам П. И. Кеппен не видел развалин крепости, но, основываясь на рассказах местных жителей и на опыте собственных наблюдений, предположил, что «при Мердвене — известном проезде по примечательной каменной лестнице — находилась наблюдательная или оборонительная точка» [1, с. 206 и сл.]. В. Х. Кондораки, который побывал на Шайтан-Мердвене, считал неосновательным такое предположение, потому что «ни на ней (Черт-вой лестнице. — В. М.), ни по сторонам ее не было возможности поставить крепость, которая могла бы иметь влияние на желающих проникнуть Мердвеном» [2, с. 291].

Этот спор был решен много лет спустя — в 1934 г. Н. Л. Эрст, побывав на Шайтан-Мердвене, отыскал и развалины крепости. Он писал: «На соседней скале (второй от перевала к востоку) имеются явственные эффектные развалины средневековой готско-греческой крепости Мердвень-Исар» [3, с. 431]. После этого исар много лет не посещался, и его точное местонахождение вторично было установлено геологом Л. В. Фирсовым [4, с. 99; 5, с. 38; 6, с. 102; 7, с. 227—247].

В 1967 г. Л. В. Фирсовым на исаре проводились небольшие разведочные раскопки, которые удалось продолжить лишь в 1979—1980 гг. Во время работ 1967 г. в крепости было заложено четыре шурфа и один раскоп — 4 × 4 м (рис. 2, 1), в котором обнаружена небольшая церковь. Л. В. Фирсов на основании проведенных исследований строительство крепости относил к IX—X вв., а разрушение укрепления — к концу XIV — началу XV в. и связывал последнее с захватом Южного берега геноузцами и карательной экспедицией Карло Ломеллино 1434 г. [4, с. 116; 5, с. 58]. В то же время О. И. Домбровский и Е. А. Паршина время существования крепости предположительно определили XII—XIV вв. [8, с. 1; 9, с. 295]. А. Л. Якобсон считал наиболее вероятной датой возведения укрепления — XIII—XIV вв. [10, с. 201].

Целью раскопок 1979—1980 гг. являлось уточнение даты укрепления, выяснение его фортификационных особенностей, изучение застройки его территории. За два полевых сезона на городище был доследован храм, частично раскрытый в 1967 г., раскопано две жилые постройки и хозяйственное помещение, произведены зачистки развалин оборонительной стены [11; 12, с. 289].

Укрепление находится в 250 м к востоку от места выхода тропы из ущелья Шайтан-Мердвена и занимает вершину горы Исар-Кая. Оно представляет собой в плане неправильный четырехугольник (рис. 2). Наибольшие размеры площадки, занятой крепостью — 75 × 55 м. Сюда и запада вершина ограничена обрывами 20—40 м высотой. С северо-запада обрыв постепенно снижается по направлению к северной седловине, отделяющей гору Исар-Кая от Яйлы. Поверхность скалы наклонена к востоку под углом 5—15°. Площадь укрепления — около 0,3 га.

С севера и востока территория городища доступна. Здесь и были поставлены крепостные стены, которые в настоящее время сильно разру-

¹ Крымские топонимы «Исар-Кая» обычно переводят как «Крепостная скала», хотя более точным переводом является «Скала со стеной».

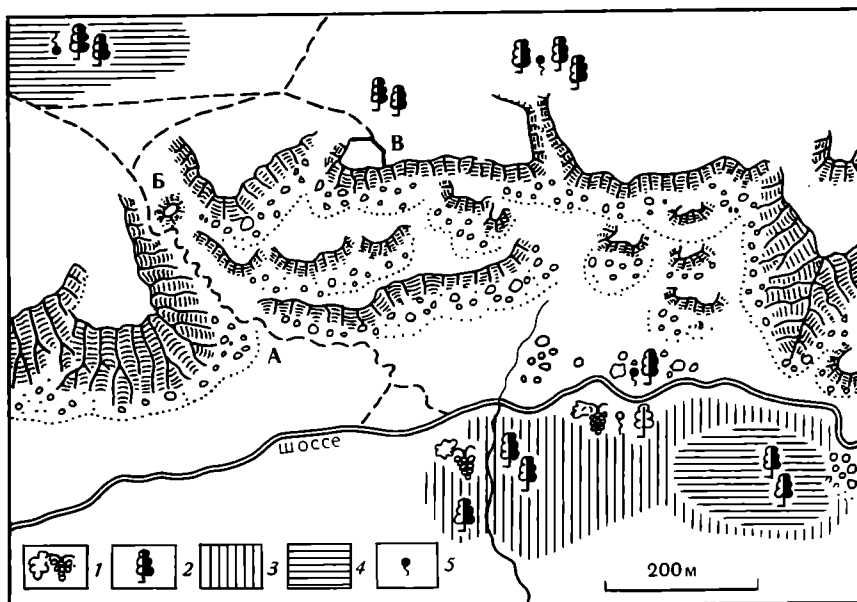

Рис. 1. Схема рельефа Яйлы в районе горного прохода Шайтан-Мердвен (по Л. В. Фирсову с дополнениями автора). А—В — горный проход Шайтан-Мердвен; В — укрепление Исар-Кая. 1 — одичавший виноград; 2 — одичавшие фруктовые деревья; 3 — следы средневекового поселения X—XIV вв.; 4 — лесные поляны; 5 — источники

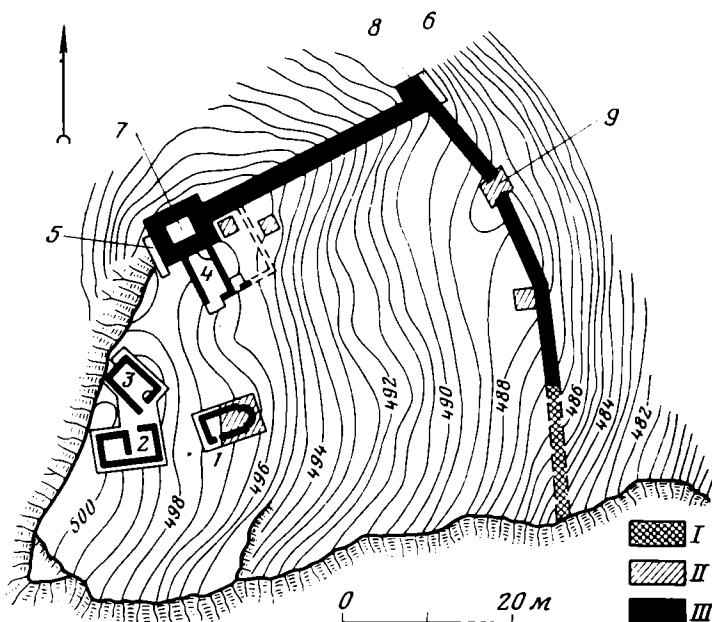

Рис. 2. Средневековое укрепление Исар-Кая. План (инструментальная съемка Е. Чикалкина и В. Семенова 1979 г., горизонтали даны условно). I — полностью разрушенный участок оборонительной стены; II — места раскопок 1967 г.; III — остатки построек и оборонительных стен. I—6 — места раскопок 1979—1980 гг.; 7 — донжон; 8 — башенный выступ; 9 — воротный проезд

шены, выглядят как каменный вал высотой 2,5—3 м. Общий периметр укрепления — 205 м. Длина оборонительных стен — 100 м; северный участок оборонительной стены равен 45 м (при толщине 2,6—2,7 м), а восточный — 55 м (толщина куртины 1,7 м). Высота стен тоже, видимо, была различной: на северном участке она, возможно, достигала 7—8 м, а на восточном — 5—6 м.

Восточная оборонительная стена сохранилась хуже северной из-за большого уклона скалы: у южного обрыва она на протяжении 20 м разрушена полностью (рис. 2, I). Крепостные стены сложены из крупного

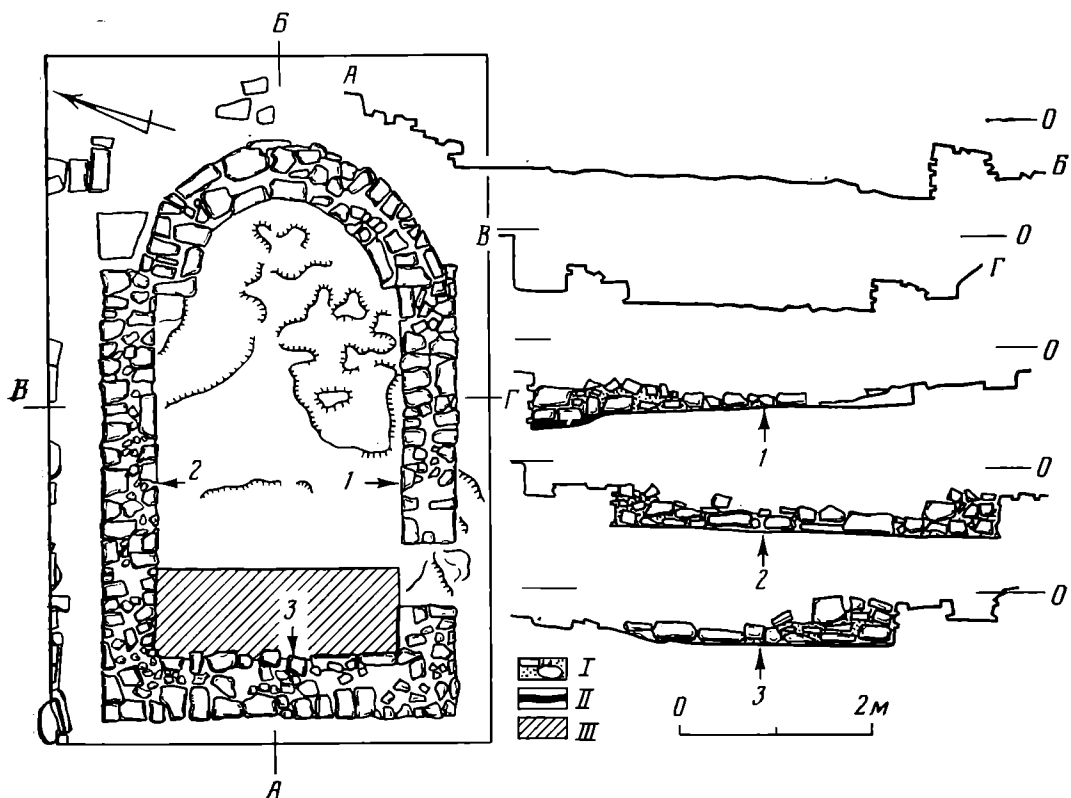

Рис. 3. Храм в укреплении Исар-Кая. План, разрезы и фасировки. I — кладка на извести; II — глина с щебнем; III — сохранившийся участок пола храма

бута на известково-песочном растворе. С использованием аналогичного вяжущего раствора сложены стены большинства крепостей средневековой Таврики.

Вход в укрепление находится в восточной куртине, в 12 м от северо-восточного угла (рис. 2, 9). Ширина входа — 1,65–1,70 м. Со стороны северной седловины ко входу подходила дорога.

На краю обрыва находился каменный парапет, разрушившийся в настоящее время полностью. На это указывают прослеживаемые кое-где подтески скалы. Высота парапета, видимо, не превышала 1,0–1,1 м при толщине 0,60–0,70 м, и сложен он был из бута насухо или на глине.

В 1980 г. были проведены раскопки, позволившие уточнить систему оборонительных сооружений исара. В северо-восточном углу, на месте стыка северной и восточной куртин, где Л. В. Фирсов помещал некий «контрофорс» [6, с. 104, рис. 2, 9], был раскрыт прямоугольный башенный выступ $3,3 \times 2,35$ м (рис. 2, 8). Его стены стоят непосредственно на скале и сложены из слегка подтесанных с лицевой стороны камней. Они сохранились на высоту 1,2 м. В основание углов башенного выступа (сложенного вперевязь с северной и восточной куртинами) положены камни больших размеров — $0,8 \times 0,5 \times 0,4$ м.

Северная оборонительная стена с запада завершалась прямоугольной башней (рис. 2, 7). Из-за недостатка времени полное исследование башни провести не удалось, поэтому ее размеры ($7,4 \times 7,0$ м) определяются пока предположительно.

Раскопки показали, что оборонительная система городища значительно сложнее, чем предполагалось ранее. Строители крепости особенно позаботились об усилении наиболее доступного северного участка обороны, который с запада и востока замыкали прямоугольная башня и башенный выступ (расстояние между ними составляет 27 м), обеспечивая фланговый обстрел. Насколько можно судить по месту находок черепицы в раскопе 4, башня была закрытого типа с черепичной кровлей и, видимо, использовалась в качестве донжона. Аналогичные башни извест-

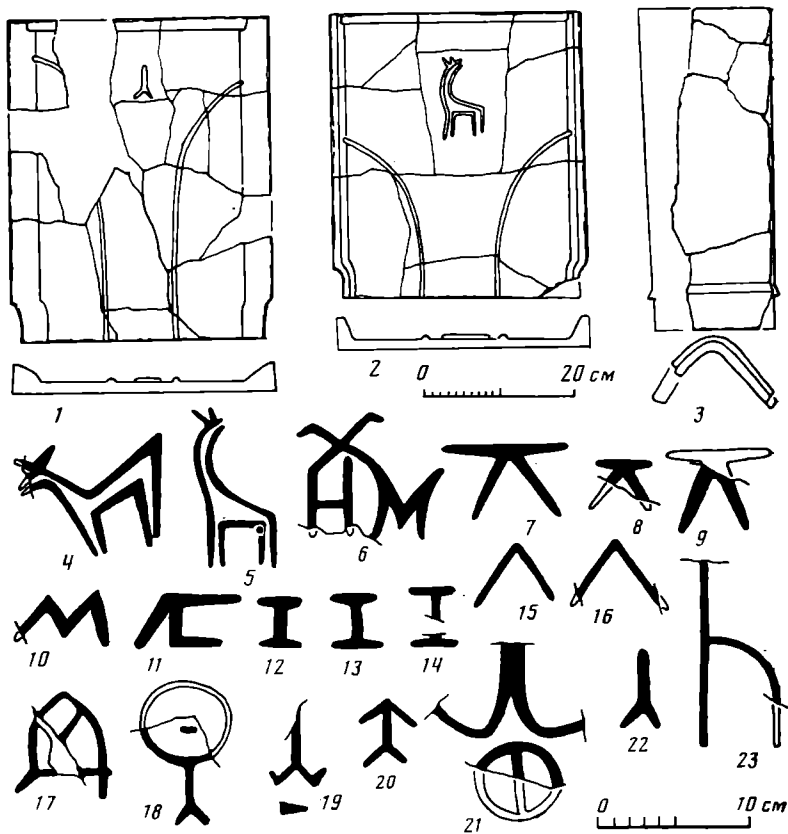

Рис. 4. Черепица и знаки на черепицах из раскопок в укреплении Исар-Кая. 1, 2, 5, 7, 8, 10–13, 17–20. 22 — из хозяйственного помещения; 3, 4, 6, 9, 15, 16, 21, 23 — из храма

ны на целом ряде исаров средневековой Таврики (Гермен-Кая на Басмане, Камара, Сарджик, Сандык-Кая и др.).

При исследовании храма (рис. 2, 1; 3) были уточнены его размеры (6,35 × 3,75 м). Апсида обращена на северо-восток ($73 \pm 3^\circ$). Вход, шириной 0,62 м, находился в южной стене возле юго-западного угла (рис. 3). Западная стена храма толще остальных на 0,10–0,15 м и равна в среднем 0,75 м. Она поставлена перпендикулярно направлению склона и служила одновременно крепидой, которая выдерживала напор грунта, оползавшего со скалы. Толщина прочих стен храма — 0,60–0,65 м. Стены сложены на известково-песочном растворе и сохранились в основном на высоту 1–3 рядов кладки (0,25–0,50 м). Лучшее всего сохранилась апсида: ее высота в настоящее время — 0,65–0,70 м. Стены церкви стоят непосредственно на скале.

Пол храма глиняный. Наблюдается легкий наклон плоскости пола к апсиде (не более $1,5-2^\circ$). Неровности скалы, на которой стоял храм, были засыпаны щебнем с последующей глиняной подсыпкой и трамбовкой. Ниже глиняного пола храма, на скальной поверхности, найден обломок горла красноглиняного поливного кувшина XIII–XIV вв.

Оштукатуривание стен храма производилось после того, как был утрамбован пол: об этом говорят потеки известкового раствора на поверхность пола по всему периметру. Стены храма не были расписаны. Роспись, видимо, была только в апсиде: во время раскопок 1967 г. здесь найдены мелкие куски известковой штукатурки, покрытой краской различных цветов [5, с. 51].

При расчистке каменного завала стен встречались отдельные обломки керамид и калиптеров от кровли церкви. На двух фрагментах калиптеров есть рельефные знаки в виде буквы Л. На четырех обломках керамид знаки в виде монограммы из трех букв НХМ, буквы П, животного и знаков (рис. 4, 6, 9, 15, 16, 21, 23). Обращает на себя внимание полное сходство метки НХМ, найденной при раскопках храма на Исар-

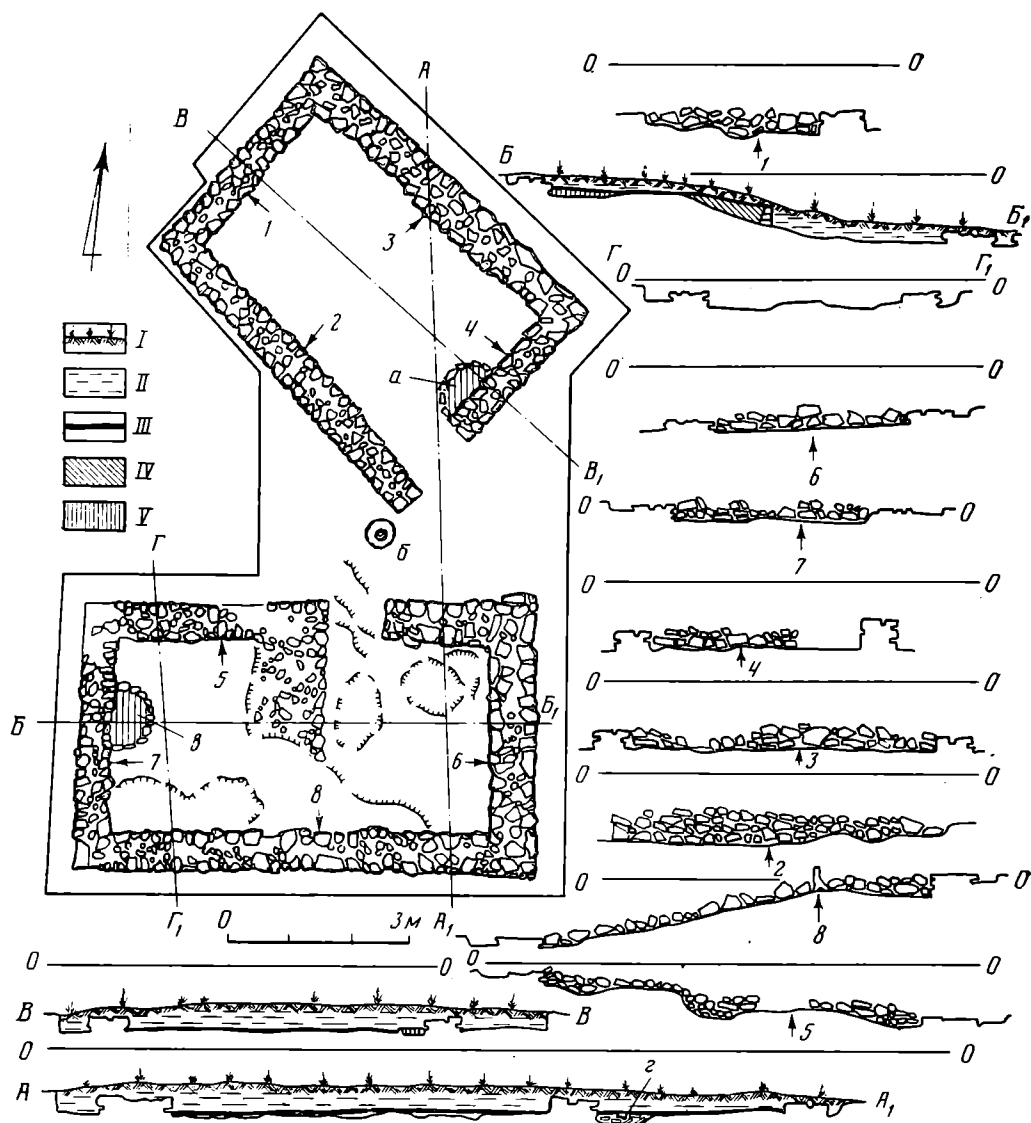

Рис. 5. Жилые постройки. Планы, разрезы и фасировки. I — дерновый слой; II — слой каменного завала; III — слой гари; IV — глина и щебень; V — зола

Кая, с меткой № 210 из Херсонеса (найдена в верхнем слое восточного помещения участка раскопок 1936 г.) [13, с. 137, табл. 13]. Керамиды с подобными знаками (различные варианты монограммы МНХАНЛ) до сих пор были известны только в Херсонесе. А. Л. Якобсон датирует их в одном случае XI–XII вв. [13, с. 137], а в другом — IX–X вв. [14, с. 97, рис. 59]. Возможно, что черепица с подобными знаками использовалась и в более позднее время. Так, при исследовании последних лет, проведенных в портовом квартале городища, керамиды с монограммами НХМ найдены в помещениях, погибших в пожаре XIII в. [15, с. 104, рис. 1, 15–18, 2, 18–20].

Следов гари на зачищенном участке пола не обнаружено. Нельзя, видимо, относить к пожару и мелкие кусочки угля, которые встречались в слое завала и на полу во время раскопок 1967 г. [4, с. 109]. Отсутствие следов горения, малая величина каменного завала и незначительное число находок обломков керамид и калиптеров указывают на то, что храм был разрушен не при пожаре: строительный камень и черепица выбирались из заброшенной церкви для вторичного использования.

Выше западной стены храма (в юго-западном углу раскопа), на скале найден большой железный крест (11,5 × 10 см). Он представляет собой две железные пластины, расширяющиеся на концах и склепанные между собой в средней, наиболее узкой части. В одном из перекрестий

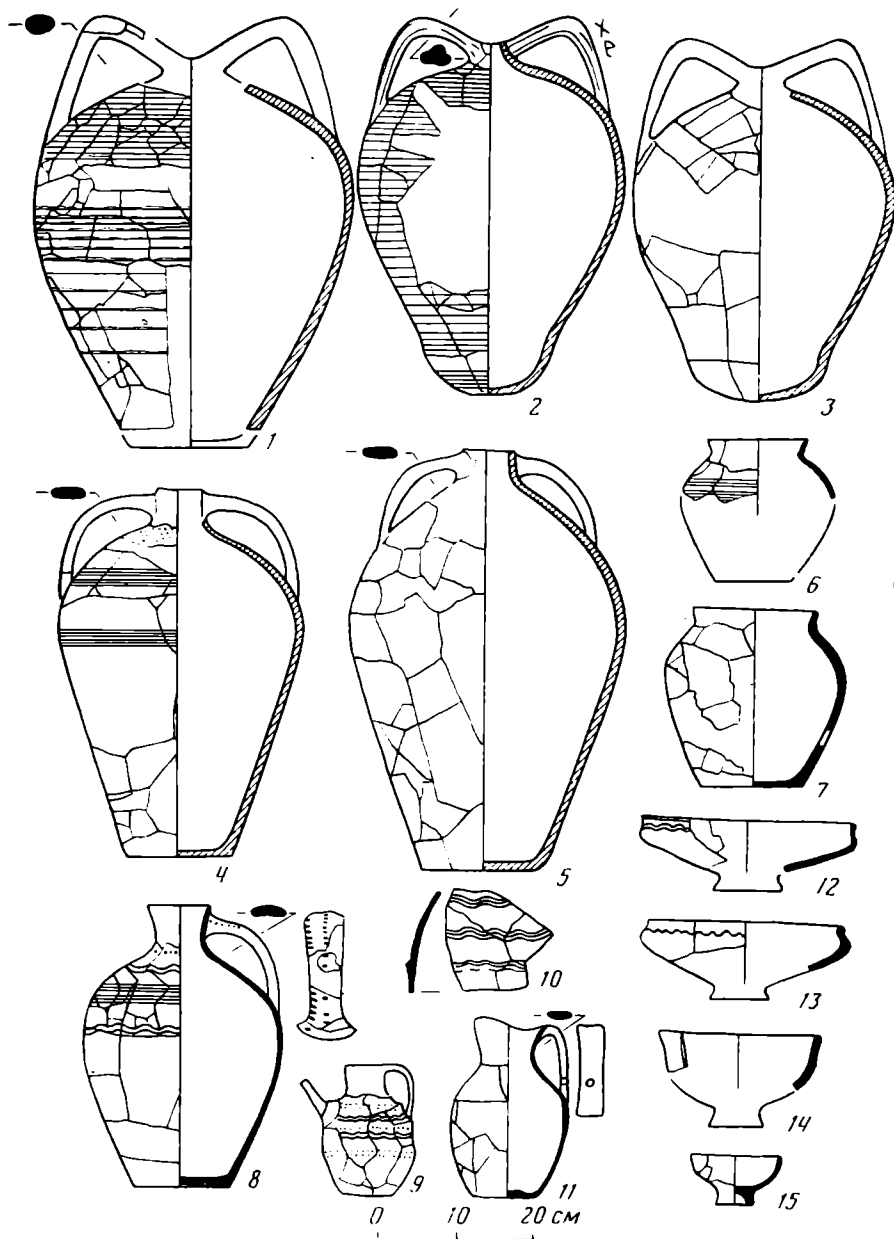

Рис. 6. Керамические находки из постройки 2. 1—5, 8 — амфоры; 6, 7 — кухонные горшки; 10 — фрагмент стенки амфоры; 9, 11 — кувшины; 12—14 — неполивные красноглиняные чашки; 15 — белоглиняная поливная тарелка

сделано отверстие для подвешивания цепочек с кадильницей (рис. 7, 21). Аналогичные по форме, но сделанные из меди, кресты были найдены при раскопках раннесредневековых базилик укреплений Хисара и «Крумово кале» в Болгарии [16, с. 235, рис. 211; 17, с. 28, рис. 12].

К западу от храма в 1979—1980 гг. исследованы два здания — размером 8,1×4,6 (рис. 2, 2) и 7,5×5,8 м (рис. 2, 3). В плане они представляют собой неправильные четырехугольники. Стены сложены из бута на глине и сохранились в высоту от 0,35 до 0,70 м.

Постройка, исследование которой производилось в 1979 г. (рис. 5), двухкамерная. Вход в нее, шириной 0,9 м, был в северной стене. Толщина стен этого здания различна. Восточная («нижняя») стена наиболее широкая (0,80—0,90 м). Ширина остальных стен колеблется от 0,60 до 0,70 м. Такое различие в толщине можно объяснить тем, что восточная стена стояла ниже прочих и на довольно крутом склоне. На этом участке скала понижается с запада на восток. Перепад между

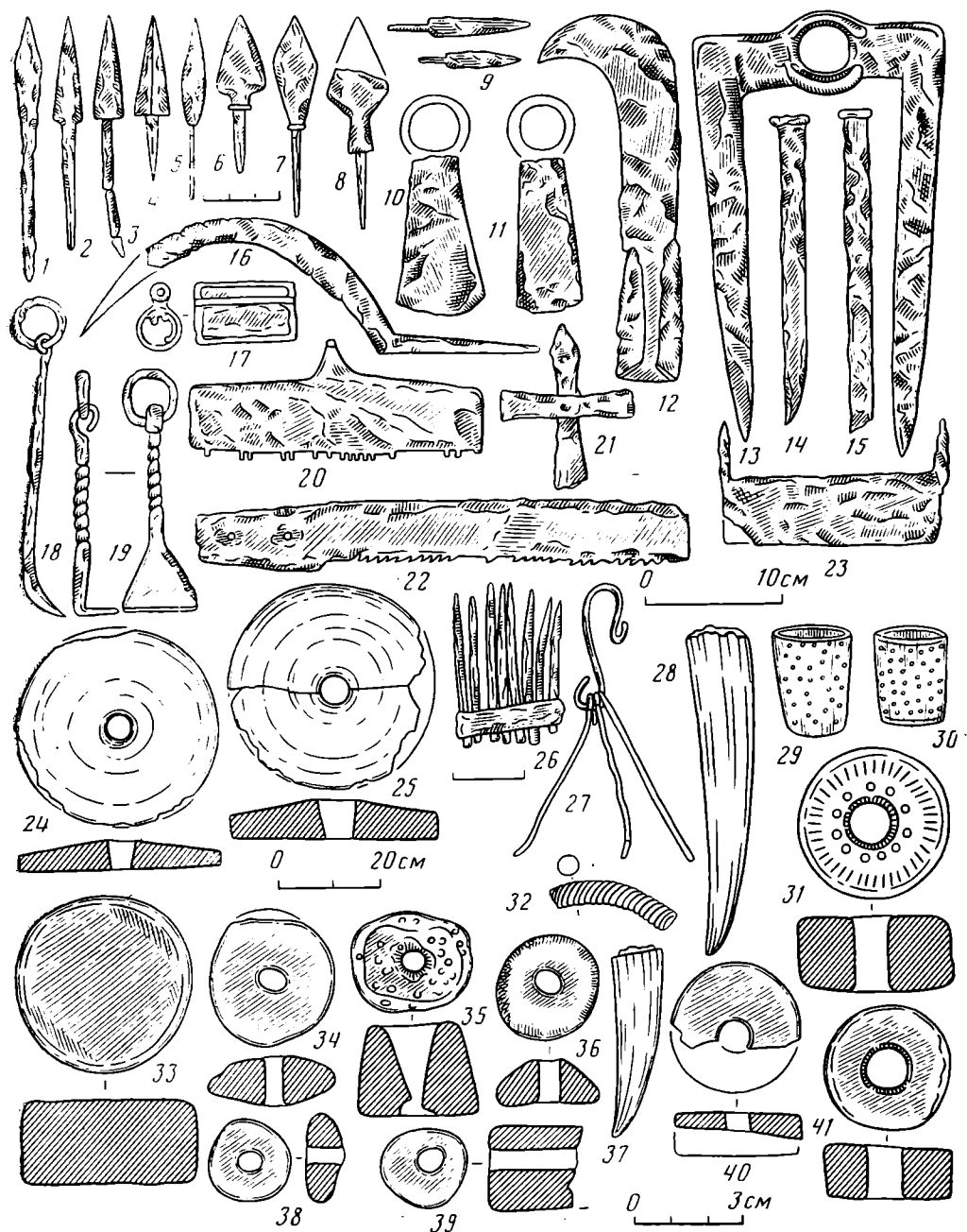

Рис. 7. Наконечники стрел, орудия труда и бытовые предметы из раскопок в укреплении. 1, 14, 23, 27, 29, 33—38 — из постройки 2; 2, 4, 7—13, 15—20, 22, 26, 30, 31 — из хозяйственного помещения; 21 — из храма; 3, 5, 6, 24, 32, 39—41 — из постройки 3

наивысшими точками западной и восточной стен (хотя их сохранность одинакова) составляет 1 м (рис. 5, разрез Б—Б').

Примерно посредине здание как бы делит надвое скальный уступ. Поэтому для увеличения полезной площади и выравнивания пола «верхней» части постройки справа от входа была устроена крепида. Неровности скалы засыпаны щебнем и глиной. На верхней площадке, в северо-восточном углу, под тонким слоем глины (3—5 см) обнаружена подсыпка из золы. У западной стены верхнего помещения находился очаг размером 1,0×0,60 м (сохранилась обкладка из мелких камней и зола), имевший форму полукруга.

«Нижняя» и «верхняя» части дома были, видимо, разделены деревянной перегородкой, основанием которой служила крепида. На это указывают зачищенные здесь остатки сгоревших стояков и балок. Таким образом здание делилось на два помещения, которые могли иметь различ-

ное назначение: верхнее (его размеры $3,6 \times 3,1$ мм) было, очевидно, жилим, а нижнее ($2,6 \times 3,1$ м) использовалось для хранения хозяйственной утвари. Это подтверждают и обнаруженные в постройке вещи. Так, в нижнем помещении, на полу, найдены обломки шести амфор, кувшина, двух красноглиняных тарелок, чашки (рис. 6, 1–5, 8, 11–14) и пифоса. Здесь же найдены: каменная крышка от пифоса, гвозди, несколько метательных «снарядов» из морской гальки для пращи и небольшой баллисты.

Неполивные красноглиняные тарелки из слоя пожара орнаментированы однорядной волной, проведенной инструментом с тупым рабочим краем. Стенки бортиков завершаются слегка отогнутым наружу краем (рис. 6, 12, 13). Подобные сосуды известны в Херсонесе, где они датируются XII–XIII вв. [18, с. 15, рис. 1, в–ж].

В «верхнем» помещении постройки, в юго-западном углу — у южной стены — стоял небольшой пифос с отбитой в древности горловиной. В нем находились обломки двух кухонных горшков (рис. 6, 6, 7), кости мелких домашних животных (коз и овец?), яичная скорлупа, ракушки мидий и устриц, угольки и зола.

Возле пифоса найдены три пряслица, поплавок из пемзы, костяные наперсток и пуговица, обломок рога козы (?) со следами обработки, пять ракушек с отверстиями, которые, видимо, служили подвесками, обломки бронзового светильника, фрагменты железных ножей, проколка, скребок для выделки шкур, обломки скоб и стамесок, фрагмент бронзовой шаровидной пуговицы, два наконечника стрел, обломок крюка с кольцом (рис. 7, 1, 14, 23, 27, 29, 33–38).

У западной стены — в том же «верхнем» помещении — собраны обломки небольшого красноглиняного кумана, датируемого по херсонесским аналогиям XII–XIII вв. [14, с. 117, рис. 72, 8; 18, с. 16, рис. 2а]. Куман покрыт светлым ангобом и орнаментирован тремя наклепными валиками с насечками, между которыми проведена волна (рис. 6, 9).

На полу верхнего помещения найдены также метательные «снаряды» разных размеров — диаметром от 2 до 10–12 см. Всего в постройке (в слое завала и в слое пожара, в котором она погибла) найдено 78 галек.

При разборке крепицы, которая служила основанием для деревянной перегородки между верхним и нижним помещениями постройки, в скальном углублении, засыпанном щебнем, глиной и обломками керамики, найдены фрагменты небольшой белоглиняной чашки на высоком кольцевом поддоне расширяющимся раструбом книзу (рис. 6, 15). Чашка покрыта светло-зеленой прозрачной поливой. Аналогичная чашка была найдена при раскопках Баклы вместе с грушевидными и плоскодонными амфорами в слое пожара XIII в. [19, с. 73, рис. 3, 8]. Таким образом, находка обломков чашки в засыпи скального углубления дает время, не ранее которого на этом месте было возведено здание, — XIII в.

Жилая постройка, исследованная в 1980 г., однокамерная. Вход в нее, шириной около 1 м, находился с юга (рис. 5). Пол помещения каменный, скальные углубления заполнены глиной. Справа от входа расположен очаг полукруглой формы, обложенный мелким камнем. Его размеры — $0,90 \times 0,50$ м.

Толщина культурных напластований на участках раскопов 2 и 3 невелика (рис. 5, разрезы А–А₁, Б–Б₁, В–В₁) — 0,4–0,8 м. Здесь под слоем дерна, толщиной 7–10 см, залегал каменный завал, перекрывавший в свою очередь слой пожара (3–5 см) на полах построек.

На полу дома, исследованного в 1980 г., найдены обломки двух пифосов с каменными крышками, которые стояли — один в западном, а другой в северном углах помещения, фрагменты трех амфор и красноглиняных кубков (рис. 8). Кубки на сплошном кольцевом поддоне (рис. 6, 4, 5) встречаются сравнительно редко и известны только из раскопок в Херсонесе, где они найдены в комплексах XIII в. [13, с. 108, рис. 67, 14; 18, с. 20, рис. 6, в, е].

Из находок в этом помещении также следует отметить три наконечника стрел, обломок браслета из синего стекла, керамические пряслица.

и обломок грузика, фрагмент рога козы (?) и различные железные предметы (рис. 7, 3, 5, 6, 28, 32, 39–41). У входа в постройку найден каменный жернов диаметром 0,40–0,41 м (рис. 7, 24).

Внутри укрепления исследовано хозяйственное помещение многокамерной постройки, примыкавшей к северной оборонительной стене (рис. 2, 4). Размеры помещения – 5,65 × 2,40 м. Вход, шириной около 1,2 м, находился с юга (рис. 9). Стены сложены из бута на глине и сохрани-

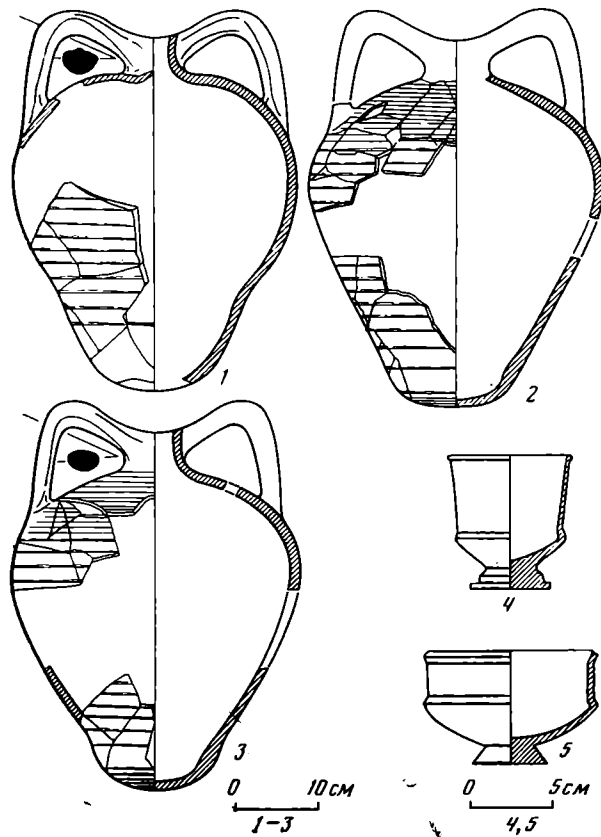

Рис. 8. Керамические находки из постройки 3. 1–3 — амфоры XII–XIII вв.; 4, 5 — красноглиняные неполивные кубки

лись на высоту от 0,8 до 1,6 м. Восточная кладка хозяйственного помещения тоньше остальных стен постройки (0,45–0,50 м). Для увеличения ее прочности примерно на высоте 0,8 м от пола были положены деревянные лаги, которые связывали кладку с куртиной и южной стеной. Лаги сгорели во время пожара, и в стене остался горизонтальный паз шириной 10–15 см (рис. 9, 3). Аналогичный прием усиления стен был неоднократно прослежен при раскопках в Херсонесе [20, с. 209]. Надо сказать, что строительные традиции, сложившиеся еще в средневековье, настолько сильны, что в селениях Горного Крыма до настоящего времени можно видеть здания, при строительстве которых использовался этот прием.

Толщина культурных напластований в раскопе 4 составляет 0,5 м у входа в помещение и 2 м — у оборонительной стены (рис. 7, разрез А–Б). Под слоем дерна (8–10 см) расположен слой каменного завала, толщиной 0,8–1,0 м. За ним следует слой толщиной 0,10–0,75 м, состоящий из золы, кусков обожженной глины, шлака и камней от разрушенного горна. Он перекрывает слой гари (5–6 см) от рухнувшей на пол кровли.

В северо-восточном углу помещения зачищены остатки горна размером 1,1 × 1,0 м по внешнему обводу (рис. 9). Он был сложен из мелкого бута на глине с последующей глиняной обмазкой изнутри. Толщи-

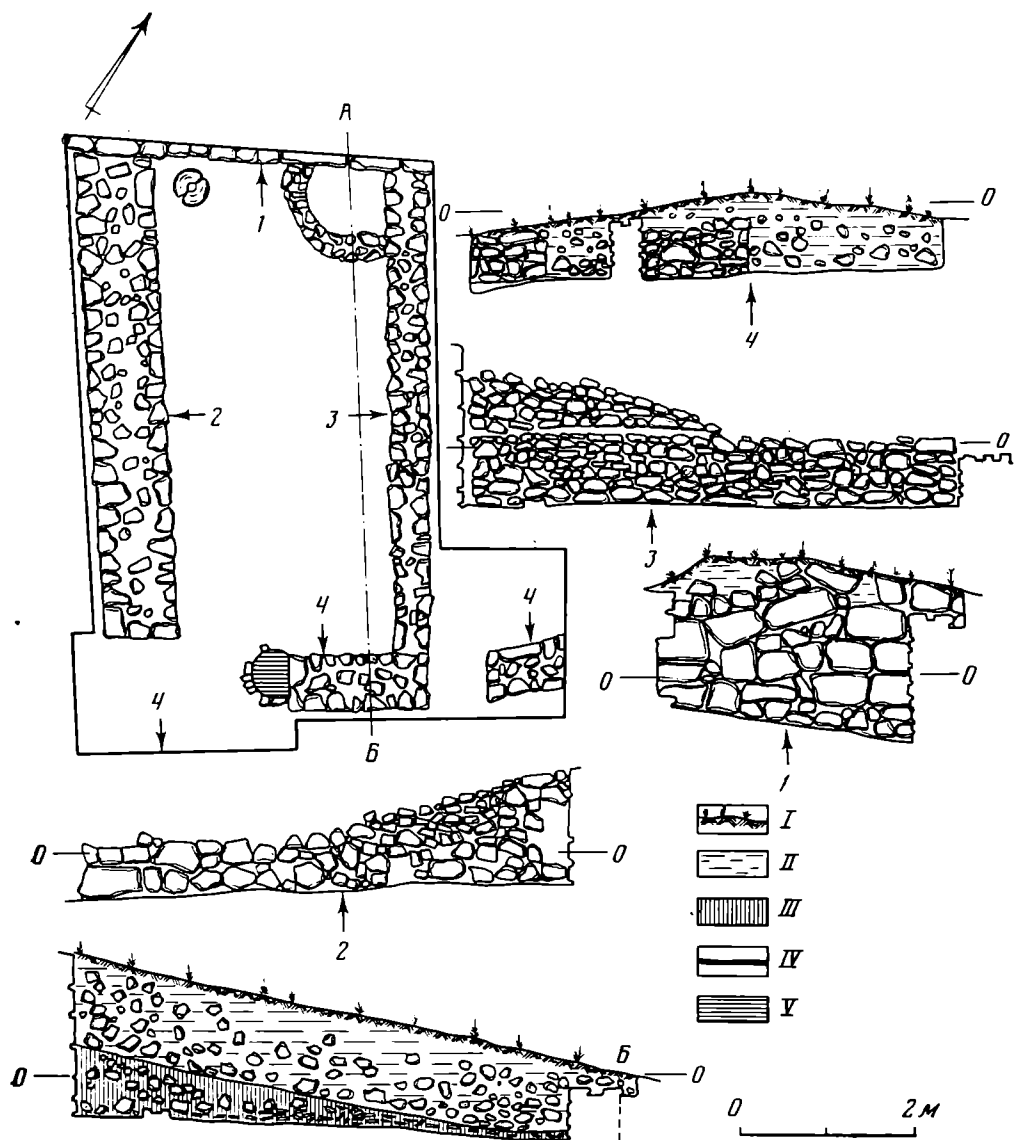

Рис. 9. Хозяйственная постройка. План, разрезы и фасировки. I — дерновый слой; II — слой каменного завала; III — слой золы, шлака и камней от горна; IV — слой гари; V — очаг

на стен печи — 0,25–0,30 м. Камни уложены в два ряда. Рядом с печью найдена крица овальной формы, размером 0,18 × 0,10 м и весом 5 кг.

Неровный каменный пол помещения имеет наклон 5–8° к востоку. Возле восточной стены находятся естественные небольшие углубления, в которых были установлены два пифоса, раздавленные рухнувшей кровлей. В слое пожара найдены обломки шести амфор (от двух удалось собрать только донные части), двух горшков, трех куманов, целая ойнохоя, два белоглиняных поливных кувшинчика, фрагменты белоглиняной поливной тарелки, красноглиняных чашки и блюда без поливы (рис. 10).

В слое каменного завала (с внешней стороны южной стены башни) собраны обломки 15 керамид и одного калиптера. Склеить удалось две керамиды (45,5 × 36,5 и 40 × 34 см) и частично один калиптер, длиной 45 см. На 13 обломках керамид имеются метки в виде букв П, М и различных знаков (рис. 4, 1–3, 5, 7, 8, 10–14, 17–20, 22). Подобные знаки встречаются на памятниках X–XIV вв. Южного берега [21, рис. 18, 20–23, 25–30], в Херсонесе, Эски-Кермене, Мангупе, Пампук-Кае и в других местах [14, рис. 59, 61, 63, 97, 98].

При зачистке слоя пожара здесь найдено большое количество предметов из железа: похи, двузубая мотыга, пила, садовый нож, долото, серп, цилиндрический замок, скребки, шилья, обломки мотыжки и тесла, гребень для вычесывания шерсти, зубатка, 4 наконечника стрел и 12 заготовок для них и др. (рис. 7, 2, 4, 7–13, 15–20, 22, 26). В западном углу помещения лежал расколовшийся надвое каменный жернов. Диаметр жернова — 0,415 м (рис. 7, 25).

У входа в постройку (возле торца южной стены) находился небольшой очаг в виде ямы, глубиной 0,2 м, обложенной мелким камнем.

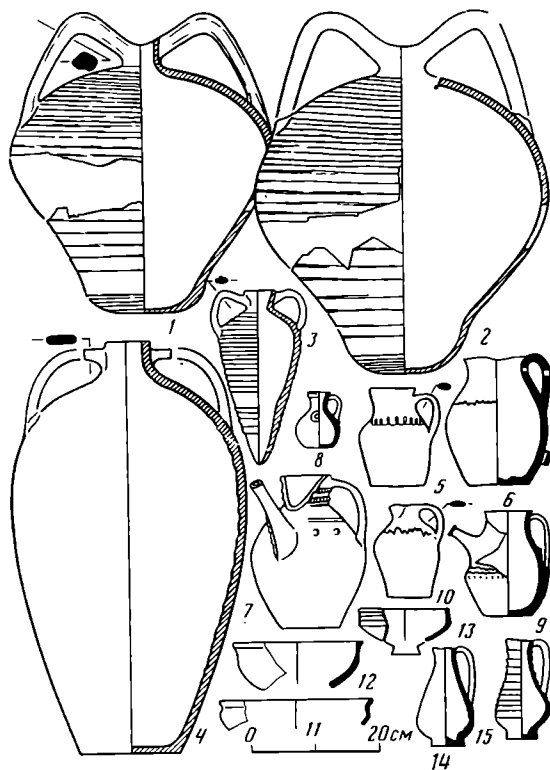

Рис. 10. Керамические находки из хозяйственного помещения. 1–4 — амфоры; 5, 6 — горшки; 7–10 — куманы; 11–13 — красноглиняные неполитые чаши; 14, 15 — белоглиняные поливные кувшинчики

В очажной золе найдены обломки донной части амфоры XII–XIII вв.

Следует также отметить обнаруженные в помещении мелкие бытовые предметы: керамическое и каменное пряслица, костяной наперсток и изделия из бронзы (рис. 7, 30, 31).

Особый интерес представляет керамика из хозяйственного помещения (рис. 10). Всего здесь собраны обломки от 17 сосудов. Найдены два красноглиняных лепных горшка с плоскими ручками. Один из них (рис. 10, 5), высотой 16,5 см, имеет шарообразное тулово диаметром 11,5 см, высокое горло заканчивается слегка отогнутым венчиком. По плечам горшка проведена петлеобразная волна. Вторым горшок (рис. 10, 6) довольно больших размеров: его высота — 20,4, диаметр тулова — 15 см. В венчике и ручке горшка сделаны отверстия для подвешивания. Под вертикальной ручкой прикреплена небольшая горизонтальная. Аналогичный нашему горшок найден на Тепе-Кермене в слое пожара XIII в. [22, с. 255, рис. 1, 3].

Три кумана из хозяйственного помещения различаются размерами и формой (рис. 10, 7–9). Большой куман, высотой 25 см, с шарообразным корпусом, имеет высокое прямое горло, украшенное двумя рядами горизонтально расположенных валиков с насечками. На плечах тулова помещаются пять шишкообразных налепов. Под сливным носиком кумана прикреплен налеп — «гребешок». Плоская в сечении ручка украшена тремя рядами насечек. Аналогичные куманы были найдены при раскопках портового района Херсонеса и Баклы [23, с. 9, рис. 13; 24, с. 186, рис. 2, 1]. Второй по величине куман — высотой около 17 см с диаметром тулова 13 см. По корпусу проведены два валика с насечками и

двойной волной между ними (рис. 10, 9). Маленький куман (его высота 9,5 см), с отбитым носиком, имеет шаровидный корпус и плоское дно. Узкое горло завершается профилированным венчиком. Поверхность этих трех сосудов покрыта светлым ангобом.

На полу, у восточной стены помещения, найдена целая лепная ойнохоя (рис. 10, 10). По плечам сосуда проведена волна. Высота ойнохоя — 15,2, диаметр тулова — 10,3 см. Такой сосуд найден на Бакле в слое XIII в. [24, с. 185, рис. 1, 7].

Поливная керамика представлена обломками венчика белоглиняной тарелки, покрытого прозрачной светло-зеленой поливой и двумя белоглиняными, небольшими одноручными кувшинами с раздутым туловом и высоким цилиндрическим горлом. Один из них имеет гладкую с наружной стороны и волнистую изнутри поверхность. У другого стенки более тонкие с внутренним и внешним рифлением в виде острой волны (рис. 10, 11, 14, 15). Оба кувшина покрыты зеленой прозрачной поливой. Подобные сосуды известны из раскопок в Херсонесе [13, с. 112, рис. 78, 1], Скуйрени, Челтере-Мармара [25, с. 286, табл. XIV, 3], Эски-Кермене², Тепе-Кермене [22, с. 260, рис. 3, 7], Бакле [19, с. 73, рис. 3, 11], где они датируются XII—XIV вв. Аналогичные кувшины также встречались в слоях XII в. в Коринфе [26, табл. XX] и производились, видимо, в Константинополе [27, табл. 23, 2], откуда они поступали в Крым.

Наиболее многочисленным датирующим материалом из раскопок в укреплении Исар-Кая являются амфоры. В 1967, 1979 и 1980 гг. найдены обломки амфор пяти типов. Амфоры одного из них количественно преобладают — 774 обломка от 11 сосудов (из общего числа 1050 — от 18 сосудов). Частично склеено и графически восстановлено 7 амфор этого типа (рис. 6, 2, 3; 8, 1—3; 10, 1, 2). Они больших размеров с сильно раздутым грушевидным туловом, округлым дном, низким горлом и поднятыми над ним дуговидными ручками. В большинстве случаев тулово покрыто рифлением (не имеет рифления только одна амфора — рис. 6, 3). Поверхность двух сосудов покрыта белым ангобом. Размеры амфор этого типа: высота без ручек — 45—60 см, максимальный диаметр тулова — 35—46 см. Цвет черепка светло-красный или оранжевый. Амфоры такого типа найдены во всех постройках в количестве от одного до четырех экземпляров. Они были широко распространены в XII—XIII вв. в древнерусских городах: Киеве, Воине, Райках, Ковшарове [28, с. 123], Галиче, Переяславе, Новогрудке [29, с. 187, рис. 1, 11; 30, с. 38, рис. 27]. Старой Рязани [31, с. 187, рис. 145]; Подонье [32, с. 107, рис. 43; 33, с. 90, табл. 29, 4] и на Северном Кавказе [34, с. 226]. В Северном Причерноморье они известны в большом количестве в Херсонесе [35, с. 94, рис. 25], Балаклаве, Керчи [36, с. 340, 342, рис. 10, 35 и сл., рис. 11, 37—39], Эски-Кермене [37, с. 279 и сл., табл. XLIV, 2]. Бакле [38, с. 26, рис. 4] и датируются XII—XIV вв. На западном побережье Черного моря амфоры этого типа известны в Диногении (Румыния) [39, с. 519—521, рис. 3, 3] и Созополе (Болгария) [40, с. 257, рис. 12].

К особому типу можно отнести одну амфору из постройки 2 (рис. 6, 1). Она несколько отличается от сосудов первого типа: у нее менее выражена грушевидность тулова и уплощено дно. Ручки овальные в сечении, подняты над венчиком. Размеры амфоры: высота без ручек — 52 см, максимальный диаметр тулова — 42 см. Поверхность сосуда рифленая. По плечикам проведены более частые горизонтальные линии. Цвет черепка светло-красный. Такие амфоры встречаются довольно редко с материалами XII—XIII вв. в Херсонесе [35, с. 94, рис. 26] и Эски-Кермене [13, с. 104, рис. 54].

Амфоры третьего типа (163 фрагмента от 4 сосудов) представляют собой сосуды с массивным плоским дном, вытянутым корпусом, коротким горлом, к которому прикреплены плоские ручки (рис. 6, 4; 10, 4).

² Фрагменты кувшинов хранятся в экспозиции Бахчисарайского историко-археологического музея.

Поверхность амфор покрыта светлым ангобом. Удалось полностью склеить три подобные амфоры. Их размеры: высота — от 49 до 65,5 см, наибольший диаметр тулова — от 32 до 36,5 см. Внутренняя поверхность сосудов бугристая. Черепок темно-красного или розового цвета. Корпус одной амфоры украшен полосами тонкого рифления, расположенными зонально. У основания горла нанесены точечные вдавления (рис. 6, 4). Такие амфоры известны из раскопок Херсонеса [13, с. 102, рис. 48], Эски-Кермена [36, с. 279, табл. XLIV, 1, 4, Пампук-Кая [41, с. 7], Тепе-Кермена [22, с. 256], Ласпи [21, с. 62, рис. 6, 2]. Они бытовали одновременно с сосудами вышеописанных типов.

К четвертому типу нами отнесена одна амфора-кувшин с массивным плоским дном, раздутым туловом и плоской ручкой, прикрепленной к горлу (рис. 6, 8). Размеры: высота сосуда — 36 см, наибольший диаметр — 25,5 см. Поверхность покрыта белым ангобом. Горло имеет форму раструба и украшено точечными вдавлениями. На корпусе нанесены полосы тонкого рифления. Ниже и выше их «гребенкой» проведены две волнистые линии. С наружной стороны ручки сделаны «семечковидные» вдавления в три ряда. Черепок светло-красного цвета. Внутренняя поверхность ровная. Сосуды этого типа встречаются редко и известны только из раскопок верхних слоев (XIII—XIV вв.) портового района Херсонеса [35, с. 95, рис. 29].

Особенно интересна единичная находка амфоры пятого типа (рис. 10, 3). Она небольших размеров: высота — 29 см, наибольший диаметр тулова — 12 см. Горло воронкообразное с венчиком диаметром 5 см. Корпус конусообразный (заострен ко дну), с двумя зонами желобков. Ручки слегка уплощены и профилированы с наружной стороны небольшим продольным валиком. Глина плотная, серо-желтого цвета с золотистыми блестками. Амфоры такого типа при раскопках средневековых памятников Крыма встречаются редко — в слоях XII—XIII вв. Аналогичный нашему экземпляр был найден в 1979 г. во время раскопок усадьбы XIII в. на Эски-Кермене [42, с. 16, рис. 36]. В Пятницкой церкви в Чернигове (построена в начале XIII в.) такие амфоры были использованы в качестве голосников [43, с. 77, рис. 42]. Сосуды этого типа найдены в познекочевническом погребении у с. Шевченко (возле г. Скадовска) [44, с. 22, 24, 25, рис. 3, 2; 45, с. 438] и в усадьбе второй половины XII — начала XIII в. в Новгороде [46, с. 85, рис. 40]. Единичность находок этих амфор указывает на то, что они были привозными. Место же их производства пока не известно.

На стенках, горлах и ручках амфор первых трех типов встречаются метки (граффити), нанесенные после обжига. Их можно разделить на четыре группы: 1) отдельные буквы греческого алфавита и монограммы; 2) простые геометрические фигуры — круги, треугольники, квадраты; 3) пересекающиеся линии, образующие непонятные рисунки; 4) сочетание пересекающихся линий с отдельными буквами. К сожалению, в большинстве случаев граффити сохранились не полностью. Это затрудняет их интерпретацию и разделение по группам. Подобные метки встречаются и в других местах, где бытовали такие же амфоры. Аналогичные граффити, до сих пор не расшифрованные, могли иметь самое разнообразное назначение: указывать объем сосуда, имя владельца, название продуктов и проч. [21, с. 61 и сл., рис. 5; 29, с. 187; 47, с. 238—241].

Работы, проведенные на укреплении Исар-Кая, дали археологический материал, позволяющий его датировать: крепость была построена на рубеже XII—XIII вв. (более раннего материала на городище не обнаружено), а разрушена, видимо, в конце XIII в., т. е. жизнь в укреплении продолжалась не более одного столетия.

Керамика трех закрытых комплексов Исар-Кая имеет довольно широкую дату — XII—XIV вв. Отнести же их в данном случае именно к XIII в. позволяют находки амфор второго и пятого типов (рис. 6, 1; 10, 3), не встречающиеся на памятниках XIV в. Поэтому, вероятнее всего, к концу XIII в. можно отнести пожар и разрушение исара у горного прохода Шайтан-Мердвен: следы сильного пожара зафиксированы в

раскопах 2, 3 и 4. Есть и признаки штурма крепости. Так, во время раскопок на исаре, в завале стен построек и в слое пожара найдено более 150 метательных «снарядов» из морской гальки. Запасы подобных ядер разного диаметра — для пращи и небольшой баллисты — были обнаружены и при раскопках других горных крепостей: в цитадели Гурзуфской крепости, на Гаспринском исаре [48, с. 11, 31], на Ай-Тодоре у пос. Малый Маяк [49, с. 286], в укреплении на горе Крестовой близ Верхней Ореанды [50, с. 110], а также при исследовании Сюйренского укрепления [51, с. 314]. Однако во всех перечисленных случаях мы имеем дело именно с запасами подобных камней (они сложены у оборонительных стен кучами по 100—500 штук). В укреплении же Исар-Кая они разбросаны на довольно большой территории. На некоторых гальках имеются следы сколов, обычно образующихся при ударе о прочную преграду, а некоторые камни расщеплены. Возможно, что в данном случае обнаружены «ядра»; которые были применены нападающей стороной во время штурма крепости, а не являлись запасами, подготовленными для отражения нападения. О том же косвенно свидетельствует и то, что во всех перечисленных случаях запасы «снарядов» для метания находили только рядом с оборонительными стенами; в нашем же случае ядра разбросаны и многие оказались в жилых постройках.

Исследователи средневековых памятников Крыма относят время гибели или сильных пожаров на Бакле, Чуфут-Кале, Тепе-Кермене, Сюйрени, Мангупе, Эски-Кермене, Каламите, Херсоне, Судаке и в других местах к XIII, XIV и XV вв. и связывают эти события исключительно с внешней агрессией — нашествиями татар, колонизаторскими проникновениями генуэзцев или турецким захватом полуострова. В некоторых случаях свидетельства о том письменных источников действительно подкрепляются материалами раскопок этих крепостей. Но судьба большинства исаров средневекового Крыма пока не совсем ясна. Все ли они попадали под удары только татар, генуэзцев или турок? Необходимо принять во внимание и возможность внутренних смут, междоусобиц, в итоге которых также могли разрушаться подобные мелкие укрепления. XII—XIV века можно считать периодом феодальной разобщенности Горного Крыма, а не раздробленности, как считал А. Л. Якобсон [52, гл. IV], потому что в это время на территории Крыма только начинают складываться феодальные государства — Мангупское и Кырк-Ерское княжества, Золотоордынское наместничество, а затем татарское ханство. Сам процесс формирования этих феодальных государств протекал очень болезненно — они то и дело ослаблялись внутренними смутами. Тогда в Таврике, видимо, сложилось такое же положение, как и на Северном Кавказе в XIII в., когда выделившиеся феодальные семьи претендовали на суверенитет [34, с. 228] и, по сообщению одного из современников, «сколько там селений, столько князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому» [53, с. 78].

Память о феодальных смутах была настолько сильна, что посланник польского короля Стефана Батория к крымскому хану Мухаммед-Гирею Мартин Броневский, побывавший в Крыму в 1578 г., слышал от местных жителей много преданий о «гордых беспечных и несогласных между собою» греческих князьях, у которых генуэзцы легко отняли некоторые города и селения [54, с. 347].

Недостаточно полное исследование укрепления Исар-Кая позволяет только в предположительной форме дать ответ на вопрос: кем была разрушена крепость? Насколько известно из письменных источников, в XIII в. политическая активность генуэзцев еще не доходила до военных столкновений с обитателями Горного Крыма («общинами Готии»). В это время они были больше заняты борьбой с венецианцами. Захват отдельных прибрежных территорий генуэзцы предпринимают во второй половине XIV в. Гибель целого ряда укреплений в XIII в. обычно связывают с набегами татар, которые в это время были особенно опустошительными. Но при раскопках крепости Исар-Кая не было найдено ни одного татарского наконечника стрел. Все найденные здесь наконечники

явно местного производства. Поэтому, на наш взгляд, можно предположить, что исар был разрушен кем-нибудь из «гордых» и «несогласных» греческих князей.

Раскопки и визуальные наблюдения показывают, что территория мердвенского исара была довольно плотно застроена: внутри крепостных стен находились кроме храма 7—10 жилых построек и, видимо, при них — необходимые хозяйственные сооружения (сарай, амбары, хлевы, загоны для скота). Застройка городища в значительной степени зависела от микрорельефа, и поэтому она, на первый взгляд, может показаться хаотичной.

Исходя из количества жилых построек, можно примерно определить и число обитателей крепости, которое могло составлять 35—50 человек. Если наши расчеты правильны, то в укреплении жило 7—10 семей. В каждой семье могло быть примерно двое мужчин, способных владеть оружием. Тогда число защитников крепости составляло 14—20 человек.

Храм в укреплении Исар-Кая представлял собой однефную постройку в виде прямоугольника с полукруглой апсидой. Развалины таких же церквей встречаются в Таврике повсеместно на поселениях XII—XIV вв., в том числе и на исарах. Почти все эти храмы сооружались в наиболее удобных и видных местах. На исарах церкви небольших размеров, что еще раз может указывать на немногочисленность их обитателей и ограниченность круга лиц, молящихся в этих церквях. Рядом с храмами и непосредственно в них, как правило, производились захоронения. Однако во время раскопок на Исар-Кая могила ни в церкви, ни рядом с ней не обнаружено. Видимо, могилиник находился за пределами укрепления, и где-то неподалеку от него, как, например, некрополь у крепости Кермен-Кая на Басманском хребте.

Одним из важнейших условий строительства крепости на том или ином месте является близость источников с водой (родник, обводненные карстовые пещеры, близко расположенные грунтовые воды, горные речки и ручьи). Вопрос снабжения водой решался в каждом конкретном случае применительно к местным условиям, в зависимости от местоположения укрепления и от количества воды, требуемой для нормальной жизнедеятельности их обитателей. Как обстояло дело с водоснабжением жителей крепости Исар-Кая? Вершина горы безводна, но в ее окрестностях (в балках и на лесных полянах) много источников, из которых можно в любое время года набрать воды.

В трех исследованных в крепости постройках найдены обломки шести пифосов, в которых, видимо, держали запас воды для хозяйственных нужд и на случай кратковременной осады. На наш взгляд, многие из исаров средневековой Таврики не были приспособлены к длительным осадам именно из-за отсутствия в них источников воды. Все пифосы, найденные в крепости, небольших размеров: их высота составляет 0,6—1,0 м, максимальный диаметр тулова — 0,40—0,60 м.

Слабая изученность укреплений средневековой Таврики позволяет нам лишь в общих чертах представить себе быт и хозяйственную деятельность их обитателей. Все основные процессы средневековой экономики протекали в открытых поселениях, расположенных в плодородных горных долинах, где общинники занимались земледелием, скотоводством, а в прибрежных районах еще и рыбным промыслом. Гарнизоны исаров были немногочисленны, но, видимо, достаточны для того, чтобы суметь оказать сопротивление внезапному, но краткому нападению. Численность гарнизонов, судя по размерам самих крепостей и масштабам жилой и хозяйственной застройки, очевидно, составляла от одного до нескольких десятков человек. Эти небольшие вооруженные группы людей отчасти могли быть заняты несением караульной службы, а в свободное от службы время они занимались ремонтом оборонительных сооружений, дорог, жилых и хозяйственных построек, заготовкой метательных снарядов для баллист и пращей, изготовлением оружия (в основном наконечников стрел, которых при военных столкновениях требовалось множество).

Находки на Исар-Кая горновой печи, различных орудий труда из же-

леза говорят о развитости кузнечного дела и о некоторой специализации в этом виде ремесла одной семьи, жившей в крепости. Но сам кузнец в то же время являлся и земледельцем (на это указывают находки жернова, серпа, виноградного ножа, мотыги и пр.).

Следы средневекового железодельного производства (обломки кричного железа, куски шлака, печина, железняковые конкреции, обломки полуфабрикатов и отдельных железных предметов) были найдены при исследовании укреплений Кермен-Кая, на Яманташе [55, с. 63, 65]. Кипиа, Бойке [56, с. 92], Кучук-Исаре и на горе Исар-Кая над Гаспррой [48, с. 30 и сл.], в Судаке [57, с. 297] и других местах.

Набор орудий труда, найденных при раскопках исара, указывает на то, что основу хозяйственной деятельности его обитателей составляли различные отрасли сельского хозяйства: хлебопашество, огородничество, садоводство, виноградарство и скотоводство. Ими в том числе культивировались такие технические культуры, как лен и конопля: об этом говорит находка зубатки для вычесывания волокон (рис. 7, 20). Аналогичные нашей зубатки происходят из раскопок Эски-Кермена. Двухзубая мотыга (рис. 7, 13) использовалась для рыхления и разравнивания каменистых почв на виноградных плантациях и огородах [58, с. 224, рис. 10]. Мотыга из раскопок Исар-Кая близка по форме аналогичным мотыгам XI—XII вв. из крепости Перник и с. Колю Мариново (Болгария) [47, табл. 1; 59, с. 26, рис. 6; 60, с. 275, рис. 87, 5]. Эта старая форма виноградных мотыг существует и до настоящего времени в горных районах Болгарии [58, с. 222].

Кривыми садовыми ножами (рис. 9, 12) производилась обрезка виноградных лоз и фруктовых деревьев. Ножи этого типа были широко распространены и известны на средневековых памятниках Болгарии [59, с. 30, 31, рис. 9, 1, 2], Югославии и Малой Азии начиная с раннего средневековья [60, с. 93, 123, рис. 30, 43].

Итак, раскопки на Исар-Кая показали, что его обитатели могли обеспечивать себя необходимым вооружением, орудиями труда и продовольствием. Было тут и домашнее ремесло: здесь занимались обработкой шкур (скребки), шерсти (гребень, пряслица, грузики), ткали полотно, шили себе одежду, изготовляли домашнюю посуду (лепные горшки) и т. д. Все эти находки говорят о развитом натуральном хозяйстве. Производимые семьей продукты и предметы ремесла, видимо, не всегда потреблялись той же семьей. Излишки могли обмениваться на нужные в хозяйстве и быту предметы: таковыми были для обитателей крепости керамическая тара, украшения и другие вещи, которые поступали сюда, очевидно, из Херсона.

Мужское население Исар-Кая, вероятно, несло караульную службу не только в крепости, но и у выхода на плато дороги через проход Шайтан-Мердвен. Здесь проход настолько узок, что небольшая группа вооруженных людей могла выдержать натиск значительно превосходящего ее противника. Но эта же группа не смогла бы оказать сколько-нибудь эффективного сопротивления желающим проникнуть на побережье со стороны Яйлы: отсюда проходы к Шайтан-Мердвену широки и свободны.

Горным проходом Шайтан-Мердвен, как и многими другими перевалами, люди пользовались с незапамятных времен [6, с. 107 и сл.]. Но почему именно в XII—XIII вв. рядом с ними возникают укрепления, которые если не сразу, то довольно быстро превращаются в феодальные замки, существовавшие не столько в связи с дорогами, проходящими рядом, сколько с располагавшимися в долинах поселениями, над которыми эти крепости господствовали. [48, с. 54]? Схема — замок-подчиненное ему поселение (или группа поселений) характерна не только для горного Крыма — аналогичные комплексы памятников мы находим везде, где феодальные отношения достигли достаточно высокого уровня развития.

Не составляет исключения в этом отношении и крепость у прохода Шайтан-Мердвен. Ниже старого шоссе Ялта—Севастополь, на больших полянах и возле источников, встречаются обломки средневековой керамики X—XIV вв., а в лесных зарослях обнаружены развалины построек,

одичавшие фруктовые деревья и виноградные лозы. Поэтому функциональное назначение крепости Исар-Кая, как, видимо, и других укреплений средневекового Крыма XII—XV вв., не ограничивалось охраной дорог и «границ» княжеств: они также могли являться административными центрами небольших феодальных владений, местом пребывания семей феодалов, их дружин, челяди, ремесленников и торговцев. В случае военной опасности отдельные из них служили убежищем для жителей окрестных селений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кеппен П. П.* Крымский сборник. СПб., 1837.
2. *Кондораки В. Х.* Байдарская долина (в Таврическом полуострове).— ЗООИД, 1868, т. VII.
3. *Эрист Н. Л.* Историко-археологические памятники Южного берега Крыма.— В кн.: Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. Симферополь: Крымгиз, 1935.
4. *Фирсов Л. В.* Отчет об археологических разведках на Шайтан-Мердвене в 1967 г. Раздел VIII в отчете об археологических исследованиях на Южном берегу Крыма с 1965 по 1969 г.— Архив Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, п-ка № 1.
5. *Фирсов Л. В.* Чертова лестница. Симферополь: Таврия, 1973.
6. *Фирсов Л. В.* Археологические разведки на Исар-Кая и Шайтан-Мердвене в 1967 г.— В кн.: Феодальная Таврика. Киев: Наук. думка, 1974.
7. *Фирсов Л. В.* Шесть «демонических» загадок.— В кн.: Крымские каникулы. Симферополь: Таврия, 1981.
8. *Домбровский О. П.* Сводный отчет о работе Южнобережного отряда Отдела археологии Крыма ИА АН УССР в 1965—1969 гг.— Архив Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, п-ка № 1.
9. *Домбровский О. П., Паршина Е. А.* Опыт хронологизации средневековых памятников на территории Крымского Южного бережья.— АДСВ, 1973, вып. 10.
10. *Якобсон А. Л.* Рец.: Феодальная Таврика. Киев, 1974.— Византийский временник, 1977, № 38.
11. *Мыц В. Л.* Отчеты об археологических раскопках средневекового укрепления на горе Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен в 1979—1980 гг.— Архив Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, инв. № 99, 100, п-ки № 187, 188.
12. *Мыц В. Л.* Раскопки в горном Крыму.— АО — 1980. М., 1981.
13. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес.— МИА, 1950, № 17.
14. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
15. *Симонова Т. И.* Метки на черепице кровли дома XIII—XIV вв.— В кн.: Античные традиции и византийские реалии. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1980.
16. *Иванова В.* Три новоразкопаны базилики в Хисаря.— ИАИ, 1938, кн. XI.
17. *Овчаров Д.* Базилика № 2 в крепостта «Крумове кале» до Търговище.— Археология, 1976, кн. 3.
18. *Ивашута Л. П.* Неполившая керамика позднесредневекового Херсона. (По материалам раскопок портового квартала).— АДСВ, 1975, вып. 11.
19. *Талис Д. Л.* Полившая керамика Баклинского городища.— СА, 1976, № 4.
20. *Белов Г. Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг.— МИА, 1941, № 4.
21. *Паршина Е. А.* Средневековая керамика Южной Таврики.— В кн.: Феодальная Таврика. Киев: Наук. думка, 1974.
22. *Талис Д. Л.* Позднесредневековая керамика Тепе-Кермена.— В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Наука, 1971.
23. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе объединенной экспедиции в 1963—1964 гг.— АДСВ, 1971, вып. 7.
24. *Талис Д. Л.* Кочевнические компоненты в населении средневековых городищ горного Крыма.— В кн.: История и культура Евразии по археологическим данным. М.: Наука, 1980.
25. *Бабенчиков В. П.* Балаклавский и куйбышевский районы.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
26. *Morgan Ch.* The Byzantine Pottery.— Corinth. XI. Cambridge — Massachusetts, 1942.
27. *Stevenson R.* The Great Palace of the Bizantine Emperors. L., 1947.
28. *Якобсон А. Л.* К истории русско-корсунских связей (XI—XIV вв.).— Византийский временник, 1958, № XIV.
29. *Малевская М. В.* Амфоры Новогрудка XII—XIII вв.— В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969.
30. *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Л.: Наука, 1981.
31. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, 1955, № 49.
32. *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 131.
33. *Раев Б. А.* Каталог археологических коллекций. Новочеркасск, 1979.
34. *Ковалевская В. Б.* Северный Кавказ в X—XIII вв.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
35. Средневековые амфоры Херсонеса.— АДСВ, 1971, № 7.

36. *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья.— СА, 1951, т. XV.
37. *Репников Н. П.* Городище Эски-Кермен.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
38. *Рудаков Е. В.* Материалы XII—XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.).— АДСВ, 1975, № 12.
39. *Vagnea J.* Amforele de la Dinogetia.— Studii si cercetari de istorie vehhe. 1954, V.
40. *Чангова Й.* Средневековни амфори в България.— ИАИ, 1959, кн. XXII.
41. *Мыц В. Л.* Отчет об археологических раскопках средневекового укрепления Пампук-Кая в долине р. Бельбек в 1980 г.— Архив Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, инв. № 101, п-ка 189.
42. *Паршина Е. А.* Раскопки на городище Эски-Кермен в 1979 г.— Архив Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, инв. № 94/1, п-ка 169.
43. *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.— МИА, 1949, № 11.
44. *Черненко Е. В., Яковенко Э. В., Корпусова В. Н.* Раскопки в окрестностях Скадовска.— В кн.: Памятники юга европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967.
45. *Рутківська Л. М.* Пам'ятки кочових племен степового Подніпров'я IX—XIII ст.— Археологія Української РСР. Т. III. Київ: наук. думка, 1975.
46. *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981.
47. *Малевская М. В.* Амфора с надписью из новгородка.— СА, 1962, № 4.
48. *Домбровский О. И.* Средневековые поселения и «исары» крымского Южнобережья.— В кн.: Феодалная Таврика. Киев: Наук. думка, 1974.
49. *Паршина Е. А.* Отчет о раскопках на г. Ай-Тодор у пос. Малый Маяк в 1969 г. Раздел XVIII в отчете об археологических исследованиях на Южном берегу Крыма в 1965—1969 гг.— Архив Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, п-ка № 1.
50. *Скобелев Ю. Н.* Археологическая разведка на горе Крестовой в Верхней Ореанде.— В кн.: Феодалная Таврика. Киев: Наук. думка, 1974.
51. *Воронин Ю. С., Даниленко В. Н., Кутайсов В. А. и др.* Раскопки в Бахчисарайском районе.— АО—1978. М., 1979.
52. *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. М.—Л.: Наука, 1964.
53. *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе.— В кн.: Исторический архив. Т. 3. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
54. *Броневский М.* Описание Крыма (Tartarie descriptio).— ЗООИД, 1867, т. VI.
55. Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. Симферополь: Таврия, 1966.
56. *Домбровский О. И.* Средневековые памятники Бойки.— В кн.: Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наук. думка, 1968.
57. *Баранов И. А.* Раскопки средневековой Сугдеи.— АО—1978. М., 1979.
58. *Иванов Т.* Археологически проучвания при Спарева баня.— ИАИ, 1957, кн. XXI.
59. *Чангова Й.* Средневековни оръдия на труда в България.— ИАИ, 1957, кн. XXI.
60. *Beranova M.* Zemledelstvi Staryh Slovanu. Academia Pr., 1980.

V. L. Myts

THE MEDIAEVAL FORTRESS OF ISAR-KAYA

S u m m a r y

The fortress, first mentioned by P. Koppen, is found 250 m to the east of the Shaitan Merdven passage. In 1967 L. Firsov undertook a small-scale sounding there. His investigations led him to believe that the fortress was built in the 9th and 10th centuries and destroyed in the late 14th and early 15th centuries by the Genoese and the 1434 punitive expedition of Carlo Lomellino. O. Dombrovsky and E. Parshina surmised that the fortress existed between the 12th and 14th centuries, while A. Jakobson related it to the 13th and 14th centuries. During two field seasons (1979-1980) archaeologists finished their study of the cathedral partially excavated in 1967, stripped two dwellings and a storage room, and sorted out ruins of a defence wall. Their efforts yielded three closed complexes of finds allowing a precise dating of the fortress: it was erected at the turn of the 13th century (since no earlier material has been found) and destroyed in the late 13th century during feudal discords.